

КІЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ВЪ ДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію безъ пересылки **три руб. сер.** съ пересылкой **3 р. 60 к. сер.**

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ

1 и 16 чиселъ.

1-го мая. № 9. 1873 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ВЫСОЧАЙШАЯ ПОВЕДѢНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ СВЯТЫЙ-ШАГО СУНОДА.

Въ 8-й день апрѣля 1873 года Всемилостивѣйше пожалованы слѣдующія награды: *алмазный крестъ для поменія на плечу*: архіепископамъ — моголевскому Евсевию и варшавскому Іоанницію; *орденъ св. благовернаго великаго князя Александра Невскаго* — архіепископу харьковскому Нектарію; *орденъ св. Владиміра 2-й степени большаго креста*: епископамъ — минскому Александру, полоцкому Саввѣ, томскому Платону и мсковскому Павлу; *знаки ордена святыя Анны 1-й степени, украшенные императорскою короною* — преосвященному Вассіану, епископу екатеринбургскому, викарію пермской епархіи; *сопричислены къ ордену св. Анны 1-й степени* — преосвященные: Евель, епископъ камчатскій, курильскій и благовѣщенскій, Веніаминъ, епископъ рижскій и митавскій, Θεогностъ, епископъ астраханскій и енотаевскій, Θεодосій, епископъ екатеринославскій и таганрогскій, Гавріиль, епископъ гурійскій,

и Викторинъ, епископъ чебоксарскій, викарій казанской епархіи; архимандритъ Палладій, начальникъ духовной миссіи въ Пекинѣ; протоіерей: Попозъ, настоятель посольской церкви въ Лондонѣ, Раевскій, настоятель посольской церкви въ Вѣнѣ и Павловскій, заслуженный профессоръ богословія въ новороссійскомъ университетѣ; *возведены въ санъ архіепископа*: епископы тульскій Никандръ и подольскій Леонтій; *пожалованы митрою*: главный священникъ арміи и флотовъ, протоіерей Покровскій и кафедральный протоіерей петербургскаго исавіевскаго собора Лебедевъ.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,

По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію объ истребованіи изъ Консисторій и монастырей хранящихся въ оныхъ писемъ и бумагъ Императора Петра Великаго.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Оберъ-Прокурора, за № 4586, въ коемъ изъяснено, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія о необходимости почтить память Великаго преобразователя Россіи, Императора Петра I-го, собраніемъ и изданіемъ въ свѣтъ всего имъ написаннаго, между прочимъ, Высочайше повелѣть соизвоилъ: предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія войти въ сношеніе со всѣми Правительственными мѣстами о доставленіи копій съ хранящихся въ нихъ писемъ и бумагъ Петра Великаго или о допущеніи къ снятію съ нихъ списковъ тѣхъ лицъ, которыя къ тому будутъ назначены. Во исполненіе сей Высочайшей воли Товарищъ Министра,

Статсъ-Секретарь Деляновъ, просить о распоряженіи къ доставленію въ Министерство Народнаго Просвѣщенія свѣдѣній, не имѣется ли въ подвѣдомственныхъ Епархіальнымъ Начальствамъ учрежденіяхъ, какъ то: Консисторіяхъ и ризницахъ монастырей и соборовъ какихъ-либо писемъ и бумагъ Петра Великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ къ напечатанію въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ составленнаго по сему случаю въ упомянутомъ Министерствѣ объявленія. При этомъ присовокуплено, что при снятіи копій съ Петровскихъ бумагъ желательно было бы принять къ руководству слѣдующее: а) собственноручныя письма Великаго Монарха должны быть переписываемы съ дипломатическою точностію, т. е. съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей его правописанія и явныхъ ошибокъ, и что буквы и слоги, вынесенные Государемъ въ титла, при помѣщеніи ихъ въ строку, слѣдуетъ подчеркивать; и б) при перепискѣ бумагъ, написанныхъ не Петромъ Великимъ, а только имъ подписанныхъ, должно сохранять дипломатически правописаніе собственныхъ именъ и всѣ особенности склоненій и спряженій (какъ на примѣръ: окончаніе *ца* въ глаголахъ, *ого* въ именахъ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ: *мя*, *тя*, *себе* и проч.), другія же орфографическія отличія, какъ на примѣръ помѣщеніе полугласныхъ въ срединѣ словъ, написаніе *и* вмѣсто *ii*, неправильное употребленіе буквъ *ъ* и *е*: *ѣ* и *ѳ*, слитіе предлоговъ безъ полугласныхъ съ управляемыми словами и др. могутъ быть сглаживаемы и пріурочиваемы къ современному способу написанія словъ. Предлагая Святѣйшему Синоду о такомъ Высочайшемъ повелѣніи, Господинъ Оберъ-Прокуроръ препроводилъ въ копіи объявленіе отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, предназначенное къ припечатанію въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Приказали: О такомъ Высочайшемъ повелѣніи давъ знать циркулярнымъ указомъ по духовному вѣдомству, предписать Епархіальнымъ

Архіереямъ доставить въ возможно скорѣйшемъ времени свѣдѣнія: не хранятся ли въ Консисторіяхъ и ризницахъ монастырей и соборовъ какихъ либо писемъ и бумагъ Петра Великаго, и если бы таковыя оказались, немедленно представить ихъ въ Святѣйшій Синодъ. При семъ препроводить по одной копіи съ объявленія Министерства, для приченія оныхъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ во всеобщее свѣдѣніе. Марта 31 дня 1873 года.

Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 3-го апрѣля 1873 года за № 1029-мъ, дано знать, что Св. Синодомъ удостоены: а) возведенія въ санъ архимандрита—настоятель кіево-никольскаго монастыря игумень Мелхиседекъ; б) въ санъ протоіерея—бердичевского уѣзда села Вуйны священникъ Гавріиль палчевскій (и в) благословенія Св. Синода—кіево-печерской успенской лавры іеромонахъ Веніаминъ и уманскаго уѣзда села Копеньковатаго священникъ Іоаннь Присовскій.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Перемѣщены одинъ на мѣсто другаго, 2-го апрѣля, священники: уманскаго уѣзда—Іоаннь *Руденко* и липовецкаго уѣзда—Симеонъ *Базилевичъ*.

Утверждены, согласно выбору духовенства: 5-го апрѣля, священникъ с. Михайловки, черкаскаго уѣзда, Прокопій *Ковальскій*—членомъ благочинническаго совѣта и, 10 апрѣля, благочинный 2-го округа чигиринскаго уѣзда Романъ *Орловскій*—въ той же должности на новое пятилѣтіе.

Умерли священники: 17 февраля с. Пляковки, чигиринскаго уѣзда, Іоаннь *Лебединскій*; 9-го марта с. Вахутинець, каневского уѣзда, Іоаннь *Матковскій*; 20 марта

г. Чигирина — соборный священникъ Дмитрій *Артемовичъ*;
23 марта, с. Сокольчи, сквирскаго уѣзда, Іоаннъ *Клеба-*
новскій, и 28 марта м. Горностаюполя, радомысльскаго
уѣзда, Іоаннъ *Смолодовичъ*.

Копія съ объявленія Министерства Народнаго Про-
свѣщенія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу
Министерства Народнаго Просвѣщенія, Высочайше повелѣть
соизволилъ: собрать и издать въ свѣтъ все написанное
Петромъ Великимъ, какъ то: его собственноручныя или толь-
ко имъ подписанныя письма, резолюціи, наставленія, за-
мѣтки, поправки въ сочиненіяхъ и переводахъ разныхъ
лицъ, и т. п. При этомъ Его Императорскому Величеству
благоугодно было возложить исполненіе этого дѣла непосред-
ственно на Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Въ государственныхъ и правительственныхъ архивахъ
хранится значительное число писемъ и бумагъ Великаго
Монарха, но не мало также ихъ находится, и притомъ весьма
важныхъ по содержанію, въ фамильныхъ архивахъ и въ
рукахъ частныхъ лицъ. Озабочиваясь исполненіемъ Вы-
сочайшей воли, Министерство Народнаго Просвѣщенія имѣетъ
честь обратиться съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ ли-
цамъ, владѣющимъ подлинными письмами или какими либо
другими бумагами Петра Великаго, оказать просвѣщенное
содѣйствіе сему дѣлу сообщеніемъ таковыхъ, были ли онѣ
уже напечатаны или нѣтъ, для снятія съ нихъ копій, ад-
ресуя посылки прямо на имя Г. Министра Народнаго Про-
свѣщенія.

Память о Державномъ Преобразователѣ Россіи дорога
для cadaго русскаго, гордящагося славою и величіемъ ро-

дины, а потому настоящий вызовъ встрѣтить, можно надѣяться, полное сочувствіе со стороны лицъ, которыя владѣютъ письмами и бумагами Петра Великаго и которыя, не замедливъ на него отозваться ихъ присылкою, дадутъ такимъ образомъ возможность изъ собоуности всего, начертаннаго Петромъ Великимъ, возсоздать живой и свѣтлый образъ того, который не щадилъ себя для возвеличенія Россіи, котораго вся жизнь была посвящена ей на служеніе и который неутомимо, не смотря на множество препятствій, заботился о насажденіи въ ней науки, этой твердой основы государственнаго могущества и благосостоянія.

При этомъ Министерство Народнаго Просвѣщенія считаетъ долгомъ довести до общаго свѣдѣнія, что:

- 1) Всѣ посылки съ письмами и бумагами Петра Великаго будутъ возвращаться ихъ владѣльцамъ въ полной сохранности и непременно въ срокъ ими назначенный, а въ случаѣ, если бы таковаго не было ими опредѣлено, то по прошествіи не болѣе двухъ мѣсяцевъ отъ дня полученія бумагъ, а по возможности и ранѣе.
- 2) Въ примѣчаніяхъ (легендахъ) къ присланнымъ частными лицами письмамъ и бумагамъ Петра Великаго или въ другомъ мѣстѣ, смотря по удобству, будутъ означены лица ихъ доставившія.
- 3) Всѣ лица, приславшія для печатанія письма и бумаги Петра Великаго, получаютъ именной экземпляръ предпринимаемаго изданія на память того, что они принимали живое участіе въ дѣлѣ несомнѣнно важномъ для отечественной Исторіи.
- 4) О результатахъ настоящаго вызова будетъ ежетретно помѣщаться въ газетахъ краткій отчетъ.

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го мая. № 9. 1873 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОУЧЕНІЕ

О св. иконахъ, по случаю появленія ереси штундистовъ.

Дѣти почитаютъ портретъ своего родителя и подданные имѣютъ въ чести образъ своего Государя. Поставленіемъ портретовъ въ домахъ частныхъ и общественныхъ, ихъ сохраненіемъ и украшеніемъ воздается также честь заслугамъ именитыхъ мужей, прославившихся защитой отечества, науками, искусствами и доблестными подвигами на пользу общества. И ни одинъ отецъ не оставитъ безъ наказанія дѣтей, которые дерзнули бы допустить явное пренебреженіе къ его портрету; равнымъ образомъ ни одно правительство не дозволитъ кому нибудь безнаказанно ругаться надъ портретами, сохраняющими для потомства образъ Государя или именитаго по заслугамъ гражданина. Память знаменитыхъ лицъ, кромѣ того, увѣковѣчиваютъ сооруженіемъ въ честь ихъ общественныхъ памятниковъ, при открытіи которыхъ устрояютъ народныя празднества, произносятъ похвальные рѣчи, а самые памятники украшаютъ зеленью и цвѣтами. Кто назоветъ это несообразнымъ съ

здравымъ разумомъ? Найдется ли такой безразсудный человекъ, который бы сталъ охуждать общество, воздающее честь доблести и славнымъ подвигамъ? Какъ же не почитать тѣхъ, которые и на землѣ и на небѣ, и предъ чело-вѣками и предъ Богомъ, прославились своими добрыми дѣлами и богоугодною жизнью, которые показали въ себѣ высокій примѣръ вѣры, молитвы, кротости, смиренія, воздержанія, состраданія, любви къ ближнимъ, самопожертвованія для спасенія бѣдствующей братіи, которые назидали мѣръ словомъ и дѣломъ, ознаменовали себя великими подвигами добродѣтели и нынѣ предстоятъ престолу Божию съ молитвою о насъ? Если кто изъ людей, то преимущественно святые, которыхъ Богъ благоволитъ называть своими друзьями и сожителями небеснаго Иерусалима, достойны знаковъ нашего благоузнанія и почтенія. Въ св. Писаніи читаемъ, что ангеламъ и св. мужамъ всегда было оказываемо чествованіе за ихъ добродѣтель и святость. Авраамъ (Быт. 18, 2); Лотъ (19, 9), Иисусъ Навинъ (1. Нав. 5, 15) преклонялись до земли предъ являвшимися имъ ангелами, падали на свое лицо и благоуважали предъ ними. Авдія палъ на лице свое предъ пророкомъ Іліей (3. Пар. 18, 7), и сыны пророческіи приидоша на срѣтеніе пророку Елисею и поклонилися ему до земли (4. Пар. 2, 15). *Восхвалимъ мужи славны и отцы наши въ бытіи, учителя Иисусъ сынъ Сираховъ, разумѣя подъ ними св. Еноха, Ноя, Авраама, Моисея, Аарона, Давида и проч.; многу славу созда Господь въ нихъ величіемъ своимъ отъ вѣка, мужи именованы силою, провѣщавшіи во пророчествахъ, мужи милостивіи, ихъ же правды не забвены быша; тѣлеса ихъ въ мирѣ погребены быша, а имена ихъ живутъ въ роды; премудрость ихъ поведаютъ людие и пох-*

именуемых иконоствъ церкви (Бн. премудр. 16 сына Си-
 рахъ 44, 1. 2. 3, 9, 13, 14). И въ христіан. церкви, отъ вре-
 мени апостольскихъ, всегда было воздаваемо чествованіе свя-
 тымъ, въ честь ихъ совершались торжества и общественныя
 моленія. Тагъ первые христіане замѣчали дни кончины св.
 мучениковъ, собирались въ эти дни на ихъ гробахъ и со-
 вершали молитвы и св. таинство причащенія надъ мощами
 св. исповѣдниковъ вѣры Христовой. Свидѣтельство о семь
 имѣемъ въ сказаніи о мученической кончинѣ (въ 107 г.)
 св. Игнатія Богоносца, бывшаго ученикомъ св. Поликарпа
 епископа емирнскаго, пострадавшаго въ 166 году по Р. Хр.;
 св. останки Игнатія Богоносца учениками его были отве-
 зены «какъ драгоцѣнное сокровище» въ Антиохію. Свидѣ-
 тели мученичества св. Поликарпа, извѣщая о его кончинѣ
 другимъ христіанъ, писали къ нимъ: «мы будемъ собираться
 въ день его мученической смерти и соединимся съ муже-
 ственными воинами Христовыми въ священномъ воспоми-
 наніи о немъ, прославляя Господа Іисуса Христа.»
 Если же святые достойны всякаго отъ насъ почитанія,
 то можно ли что разумное сказать противъ древняго обы-
 чая св. церкви изображать лики святыхъ и ихъ дѣянія на
 доскахъ, стѣнахъ и на холстѣ, имѣть ихъ въ своихъ домахъ
 на приличныхъ мѣстахъ и во св. храмахъ, украшать ихъ и
 оказывать имъ внѣшніе знаки уваженія? Кто не знаетъ,
 (бромѣ невѣждъ и людей неразумныхъ), что честь, возда-
 ваемая образу, относится къ первообразу, — что она воздает-
 ся не веществу, изъ котораго устроенъ образъ, не дереву,
 холсту или металлу, а лицу, которое представляетъ икона?
 Враги православной церкви внушаютъ, будто употребле-
 ніе и почитаніе св. иконъ противно 2-й заповѣди Гос-
 подней, которая говоритъ: *не сотвори себѣ кумира, ни*

всякаго подобія, елика на небеси горъ, елика на земли низу, будто потому почитаніе иконъ сходно съ идолослуженіемъ. Но эти слова заповѣди нужно понимать такъ, какъ они поясняются дальнѣйшими словами: *да не поклонишися имъ* (кумирамъ, идоламъ), *ниже да послужиши имъ*, т. е. не дѣлай себѣ изображеній ложныхъ боговъ, не поклоняйся имъ и не служи имъ, ибо это образы боговъ ложныхъ, а не истиннаго Бога. Слѣдовательно заповѣдію не вообще запрещено дѣлать какія бы то ни было священныя или не священныя изображенія, а запрещено идолопоклонство, запрещено суевѣріе язычниковъ, которые признавали идола за Бога истиннаго, почитали идоловъ вмѣсто истиннаго Бога, идоламъ воздавали честь, а истиннаго Бога не знали и не почитали, надѣялись на идоловъ, а не на Бога, и идоловъ просили и молили по неразумію своему, а не Бога. Но всякій православный христіанинъ отвергается идоловъ и всего служенія идольскаго, чтить истиннаго Бога, и чувствуя св. иконы, нисколько не перестаетъ быть чтителемъ единаго истиннаго Бога, Ему поклоняться и Ему одному служить. Иконы мы почитаемъ и предъ ними молимся не въ томъ смыслѣ, какъ будто мы хотимъ что нибудь у нихъ выпросить или возлагаемъ на нихъ надежду, подобно язычникамъ, надѣявшимся на идоловъ и истукановъ, но чувствованіе наше относится къ изображенному на иконѣ: предъ иконою мы молимся Богу, Господу нашему Іисусу Христу, пречистой Его Матери и св. угодникамъ Божиимъ, имъ поклоняемся, а не дереву или краскамъ, ихъ ублажаемъ, и на нихъ возлагаемъ надежды наши и исполненіе нашихъ прошеній. Въ суевѣріи или даже идолопоклонствѣ можно бы винить развѣ того, кто, стоя предъ иконою, молился бы такъ или почти такъ: дай

миѣ, образъ, то, чего я желаю; тебя, дерево или металлъ, благодарю за полученное исцѣленіе»; но такого человѣка нельзя и считать православнымъ христіаниномъ; православные же христіане, молясь предъ иконами, въ духѣ обращаются къ Христу или святымъ угодникамъ, обитающимъ на небѣ и только напоминаемымъ намъ и какъ бы живыми представляющимся въ св. иконахъ.

Что таковымъ всегда было чествованіе св. иконъ по разумѣнію православной церкви, привожу вамъ ученіе о семъ, изложенное въ книгѣ: *Православное Исповѣданіе Католической и Апостольской церкви*, составленной болѣе чѣмъ за 200 лѣтъ предъ симъ въ Кіевѣ и одобренной всѣми восточными патріархами. «Велико», говорится въ ней, «различіе между идолами и иконами. Идолы вымышлены и изобрѣтены человѣками, какъ свидѣтельствуеть Апостолъ, говоря: *вѣрныя, яко идолъ ничтоже есть въ міръ* (1 Кор. 8, 4). А икона есть изображеніе, представляющее вещь истинную, на самомъ дѣлѣ существующую въ мірѣ, какъ-то: икона Спасителя нашего Христа, и Святыя Дѣвы Маріи, и всѣхъ Святыхъ. Язычники поклонялись идоламъ, какъ богамъ, и приносили имъ жертвы, почитая золото и серебро за боговъ, на примѣръ Навуходносора. Напротивъ мы, почитая иконы и поклоняясь имъ, поклоняемся не краскамъ или дереву, но тѣмъ Святымъ, кои изображены на иконахъ, и чтимъ поклоненіемъ, представляя въ своемъ умѣ присутствіе ихъ, такъ какъ бы они были предъ нашими глазами. На примѣръ, когда поклоняемся Распятому, представляемъ въ мысли нашей Христа, висящаго на Крестѣ для нашего спасенія, преклоняемъ предъ Нимъ главу и колѣна со благодареніемъ; также когда поклоняемся иконѣ Дѣвы Маріи, возводимъ умъ нашъ къ Пресвятой

Богородицѣ, преклоняя предъ Нею главу и колѣна, и вмѣстѣ съ Архангеломъ Гавріиломъ, называя Ее блаженною паче всѣхъ мужей и женъ. И такъ поклоненіе Святымъ иконамъ, совершаемое Православною Церковію, не нарушаетъ сей заповѣди: поелику оно не есть тождественно съ поклоненіемъ, которое воздаемъ Богу; притомъ православные поклоняются не живописи, но лицамъ тѣхъ Святыхъ, которые представлены на иконахъ. Какъ херувимы, осѣнявшіе Скинію Свидѣнія, изображали истинныхъ херувимовъ, предстоящихъ на небесахъ Богу; и какъ Израильтяне поклонялись имъ и учили ихъ безъ малѣйшаго нарушенія сей заповѣди Божіей; также когда сыны Израилевы поклонялись Скиніи Свидѣнія, и воздавали ей надлежащую честь (2 Цар. 6, 13, и далѣе), то не дѣлали чрезъ то никакого грѣха, и не нарушали сей заповѣди Десятословія, но симъ еще болѣе прославляли Бога: такъ равно и мы, почитая святыхъ иконы, не преступаемъ сей заповѣди Десятословія, но тѣмъ болѣе восхваляемъ *дивнаго во Святыхъ Своихъ Бога* (Псал. 67, 36). О томъ только мы должны стараться, чтобы всякая икона имѣла свое надписаніе, которое бы означало, кто именно изъ Святыхъ изображенъ на ней; и сіе для того, чтобы скорѣе могъ удовлетвориться духъ молящагося.

Изображать святыхъ и хранить съ подобающею честію образа или иконы въ домахъ и церквахъ не только согласно съ Евангельскимъ и апостольскимъ ученіемъ, но и весьма полезно и назидательно. Иконы для многихъ суть книги, въ которыхъ истины вѣры написаны, вмѣсто буквъ, лицами. Смотря на образа и иконы, народъ воспоминаетъ благодѣянія Божіи и дѣянія изъ жизни Спасителя, живо представляетъ чудеса совершенныя Имъ и Его

апостолами, видить въ нихъ исторію нашего спасенія; утверждается въ истинахъ вѣры, въ ликахъ святыхъ созерцаетъ высокіе примѣры святой жизни и этимъ самимъ научается жить свято и благочестиво.

Являлись иконоборцы, даже гонители иконопочитателей въ давнее время; но ни прещеніями, ни угрозами, ни соблазнами не могли истребить св. обычай, принятый церковію отъ апостоловъ и распространенный повсемѣстно. «Нѣтъ страны, ни мѣста, ни дома, гдѣ бы не имѣли и не почитали св. иконъ, говорилъ св. Ѳеодоръ Студитъ греческому Императору Льву III, а ты хочешь въ одно мгновеніе, по своему произволу, истребить то, что утверждено 8 вѣками и распространилось вмѣстѣ съ христіанствомъ». Пострадали пастыри и учителя церкви: св. Германъ, патріархъ Константинопольскій, св. Іоаннъ Дамаскинъ и св. Ѳеодоръ Студитъ и другіе, но не присоединились къ зараженнымъ иконоборческою ересью, а на 7-й вселенскій соборъ, бывший въ 788 году, осудилъ ученіе иконоборцевъ, призналъ оное еретическимъ, предалъ проклятію всѣхъ гонителей иконопочитанія, и 9 правиломъ своимъ установилъ на вѣки почитаніе св. иконъ.

Братіе—чада православной церкви! убойтесь сего проклятія, которое непременно падетъ на главу тѣхъ, которые измѣняютъ праотеческой вѣрѣ и отмѣняютъ преданныя апостолами и ихъ преемниками нашимъ отцамъ св. обычаи. Не обольщайтесь льстивыми и лукавыми рѣчами новыхъ иконоборцевъ, посягающихъ на лучшее украшеніе вашихъ домовъ и храмовъ Божіихъ. Въ вашихъ жилищахъ свято да хранятся изображенія св. креста и честныя иконы Божіей Матери и святыхъ угодниковъ. Пусть ваши дома уподобляются христіанскимъ, а не языческимъ храмамъ, въ которыхъ не было ничего напоминающаго

свитости и добродѣтели. *Поминайте*, учить св. апостоль Павелъ, *наставники ваши, иже глаголиша вамъ слово Божіе* (Евр. 13, 7.), а что живѣе можетъ напомнить ихъ намъ, какъ не св. изображенія ихъ ликовъ и ихъ дѣяній? *Воздадите*, говоритъ тотъ же апостоль, *всѣмъ должная, емуже честь честь*. (Римл. 13, 7); но если мы содержимъ въ чести изображенія нашихъ друзей, родителей, благодѣтелей и въ особенности портреты возлюбленнаго Монарха нашего и всего царствующаго дома; то можно ли не чествовать св. иконы, - изображенія Господа нашего І. Христа, Пречистой Его Матери, апостоловъ и пророковъ, мучениковъ и исповѣдниковъ за вѣру Христову, святителей и преподобныхъ мужей и женъ, предъ именами которыхъ благовѣютъ монархи и весь міръ православный и которыхъ чествуютъ поклоненіемъ и лобзаніемъ въ ихъ св. иконахъ? « Будемъ стоять на камнѣ вѣры и преданій церкви, » какъ учить насъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, » не престоупая предѣловъ, положенныхъ св. отцами нашими, не попуская вводить новости и разорять зданіе святой соборной и Апостольской церкви. Ибо если всякому, кто захочетъ, позволено будетъ отважиться на сіе, то мало по малу разрушится все тѣло церкви. Нѣтъ, братія! нѣтъ, христолюбивая чада церкви! не посрамляйте матери вашей и нашей, не лишайте ее утѣшенія ея; примите ее въ любовь свою, о которой она чрезъ меня умоляетъ васъ. Послушайте, что говоритъ о ней Богъ: *вся добра еси, ближняя Моя, и порока нѣсть въ тебѣ* (Пѣснь Пѣсн. 4, 7). Будемъ покланяться и служить единому Творцу и Создателю, какъ единому по естеству Владыцѣ, будемъ покланяться и святой Богородицѣ не какъ Богу, но какъ Матери Божіей по плоти; будемъ покланяться и святымъ, какъ избраннымъ друзьямъ Божиимъ, которые царствовали надъ

страстями своими и имѣють дерзновеніе къ Богу, которые получили отъ Бога власть надъ демонами и надъ болѣзнями (Лук. 9, 1), которые будутъ царствовать со Христомъ въ царствѣ вѣчномъ и коихъ одна тѣнь прогоняла болѣзни и демоновъ. И такъ да не почитаемъ иконы бездѣйственнѣ тѣни, когда она вѣрно представляетъ подлинникъ. Братія! христіанинъ познается отъ вѣры. И такъ кто съ вѣрою приходитъ, тотъ получаетъ великую пользу, *а сумняйся уподобися волненію морскому, вѣтры возметаему и развѣваему.* (Іак. 1, 6); онъ ничего не получитъ, ибо всѣ святые вѣрою благоугодили Богу. « Аминь.

«ИЗСЛѢДОВАНИЕ О ПОДЧИНЕНІИ КІЕВСКОЙ МИТРОПО-
ЛИ МОСКОВСКОМУ ПАТРИАРХАТУ.» С. ТЕРНОВСКАГО.

Кіевъ. 1872 г.

(Критическій очеркъ).

(Окончаніе).

Теорія «шляхетскихъ склонностей» пришла съ такою по вкусу нашему автору, что онъ разсѣкаетъ ею всѣ Гордіевы узлы, встрѣчающіеся на его пути. По этой теоріи, чѣмъ холоднѣе относился къ Москвѣ какой-либо южнорусскій архіерей 16 и 17 в., тѣмъ болѣе въ немъ было «шляхетскихъ склонностей» и, слѣдовательно, тѣмъ менѣе онъ былъ достоинъ. Вотъ почему у него всѣ южнорусскіе іерархи, отъ раздѣленія русской митрополіи на двѣ до начала уніи, были недостойными іерархами, такъ какъ они ничего не заискивали въ Москвѣ. Изъ пастырей, бывшихъ послѣ уніи, достойными оказались только м. Іовъ Борецкій и Исаія Копинскій, при которыхъ возобновились сношенія кіевской митрополіи съ московскою, преобразованною незадолго предъ тѣмъ въ патріаршество.

Но за тѣмъ нашему автору нужно было рѣшить вопросъ—почему Петръ Могила, обращавшійся также въ Москву за пособіемъ въ церковныхъ нуждахъ, не заявлялъ желанія и не искалъ подчиниться патріарху? Нисколько не обращая вниманія на тогдашнія политическія отношенія Москвы и Польши и слѣпо вѣруя въ свою теорію «шляхетскихъ склонностей», онъ нисколько не задумался бросить тѣнь на свѣтлый обликъ Петра Могилы, этаго замѣчательнаго пастыря юго-западной церкви. «Петръ Могила, — говоритъ онъ, — былъ шляхтичъ (?), по происхожденію

весьма дорожилъ почестями и имѣніями (?), и потому могъ высоко цѣнить привиллегіи» (стр. 30). Предположить въ нашемъ авторѣ незнаніе біографіи Петра Могила рѣшительно невозможно, такъ какъ она находится даже въ братскихъ историческихъ сочиненіяхъ. Въ «Рук. къ Рус. Церк. Ист.» Знаменскаго, напр., говорится: «Одновременно съ восшествіемъ Владислава на престоль, кіевскимъ митрополитомъ сдѣлался знаменитый *Петръ Могила, сынъ бывшаго молдавскаго воеводы*, получившій образованіе въ Парижѣ, потомъ въ Кіевѣ постригшійся въ монахи и бывший архимандритомъ Печерской лавры»¹⁾.—Мы далеки отъ мысли, чтобы представлять историческую личность Петра Могила безукоризненною: въ немъ тоже были нѣкоторыя слабости, какъ необходимая дань своему времени; но, въ интересахъ науки, считаемъ необходимымъ защитить его память отъ тѣхъ нареканій, какимъ она подвергается незаслуженно у нашего автора. Напримѣръ, можно ли сказать, что Петръ Могила весьма дорожилъ почестями, когда вся жизнь его и общественная дѣятельность рѣшительно этого не доказываютъ? Что Петръ Могила далеко выше стоялъ по образованію всего современнаго западно-русскаго духовенства и что превосходство было ясно сознано современниками, въ слѣдствіе чего онъ и оказался на самой высшей іерархической ступени,—это безспорно, но никакъ не можетъ быть поставлено ему въ вину, а скорѣе въ заслугу. Обвиненіе же его въ пристрастіи къ имѣніямъ, т. е. къ матеріальнымъ пріобрѣтеніямъ, есть уже чистая напраслина. Ни одинъ изъ западно-русскихъ іерарховъ не заявилъ себя такою обширною и вмѣстѣ полезною тратою суммъ, какъ

¹⁾ Рук. къ Рус. Церк. Ист. Знаменскаго, стр. 220.

Петръ Могила. Тратилъ онъ ихъ не на себя, потому что, по свидѣтельству современника, онъ «жилъ воздержно»¹⁾, а на различныя церковныя и общественныя нужды. «Онъ возобновилъ Бiево-Софійскій Соборъ, также открылъ и очистилъ отъ развалинъ Десятинную Владимiрову церковь, возобновилъ древнюю Васильев. церковь, Спасскую на Берестовѣ; а наипаче Бiевская Академія есть безсмертный его памятникъ»²⁾. Для нея онъ ничего не жалѣлъ: «въ Братскомъ монастырѣ выстроилъ каменное зданіе, перевезъ сюда нѣсколько деревянныхъ зданій изъ своего Больничнаго, для помѣщенія учащихъ и учащихся, а въ страннопріемномъ Братскаго монастыря домѣ (на мѣстѣ, гдѣ нынѣ новая Академія) завелъ для пришлыхъ бѣдныхъ учениковъ особую Бурсу, и снабжалъ всѣхъ ихъ своимъ содержаніемъ»³⁾. Кромѣ того, онъ обогатилъ ее своими и лаврскими вотчинами и поощрялъ къ пожертвованіямъ на нее шляхтичей, козаковъ и духовенство⁴⁾. Конечно дѣйствуя съ такою истинно отеческою щедростію и рѣдкою энергіею въ пользу созданной имъ Коллеги, Петръ Могила никакъ не предполагалъ, что будетъ такое время, когда за все его добро взлѣбляющей имъ коллегіи отплатятъ ему подобными о немъ отзывами.

Послѣдуемъ далѣе за авторомъ. На стр. 31-й онъ говоритъ: «Петръ Могила не только самъ былъ шляхтичъ, но и содѣйствовалъ развитію шляхетскихъ стремленій въ высшемъ духовенствѣ. Главную его заботою была забота

¹⁾ Опис. К.-Софійск. Соб. Евгенія, стр. 171.

²⁾ Тамъ же стр. 172.

³⁾ Тамъ же стр. 173.

⁴⁾ Рун. къ Рус. Церк. Ист. Знаменскаго, стр. 222.

о просвѣщеніи» (!).—Признаемся, мы не мало удивились такому неожиданному сопоставленію «шляхетскихъ стремленій» съ «заботою о просвѣщеніи» съ одной стороны потому, что, перечисляя прежде шляхетскія стремленія южно-русскихъ епископовъ, авторъ и не заикнулся о томъ, что въ число шляхетскихъ стремленій входила и забота о просвѣщеніи; съ другой—потому, что исторія вовсе не говоритъ, чтобы масса шляхетства, за исключеніемъ отдѣльных личностей, стремилась, во время Петра Могила или прежде, къ просвѣщенію.—«На томъ же сеймѣ,—продолжаетъ онъ,—на которомъ было утверждено его (П. Могила) избраніе въ митрополиты, дана была привиллегія православнымъ заводить типографіи и училища. Возвратившись въ Кіевъ, Петръ Могила, дѣйствительно, основалъ замѣчательную (sic) Кіево-Могилянскую коллегію. Въ этой шко-
лѣ обученіе шло на латинскомъ языкѣ и всѣ порядки были устроены по образцу школъ іезуитскихъ. Главная задача обученія состояла въ томъ, чтобы развить въ ученикахъ краснорѣчіе и способность къ спорамъ. Другія, болѣе полезныя науки, какъ напр. исторія, были пренебрежены. Поэтому, выходя изъ школы, ученики Кіево-Могилянской коллегіи были чужды народа, исторіи бѣдствій котораго они не знали, и чувствовали себя хорошо только въ средѣ высшаго общества шляхты, гдѣ требовалось остроуміе, болтливость, способность поспорить. Школа Могилянская отдѣляла учениковъ своихъ отъ народа, дѣлая ихъ шляхтичами» (стр. 32).—И это изображеніе пустоты и безсодержательности образованія, даваемого Кіево-Могилянскою школою, авторъ приводитъ какъ бы въ подтвержденіе того, что Петръ Могила «дѣйствительно замѣчательную основалъ коллегію». Но этого мало. Здѣсь, кромѣ противорѣчія, мы опять на-

ходимъ явную историческую неправду. Дѣйствительно ли ученики Кіево-Могилянской коллегіи были чужды народа и чувствовали себя хорошо только въ средѣ высшаго общества шляхты? Дѣйствительно ли коллегія отдаляла своихъ воспитанниковъ отъ народа, дѣлая ихъ шляхтичами?— Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ извѣстнаго изслѣдователя церковной исторіи: «Кіево-Могилянская коллегія не могла ополячиться, преобразовавшись на польскій іезуитскій ладъ, потому что, по причинѣ ополченія высшихъ классовъ, она исключительно была связана съ средними классами, мѣщанами, козаками и мелкой шляхтой, гдѣ народность хранилась во всей свѣжести, притомъ же была заведеніемъ открытымъ, постоянно наполнялась приливомъ свѣжихъ народныхъ силъ»¹⁾. Исторія дѣйствительно доказываетъ, что Кіево-Могилянская коллегія отнюдь не была чужда народа, а, напротивъ, относилась съ самымъ живымъ сочувствіемъ къ его интересамъ и стремленіямъ. Такъ напр., когда въ 1648 г. Богданъ Хмельницкій торжественно вѣзжалъ въ Кіевъ, то «академія вышла къ нему на встрѣчу, профессора говорили панегирики, называли Хмельницкаго Моисеемъ вѣры Русской, защитникомъ свободы русскаго народа, новымъ Магкавеємъ»¹⁾; а «ученики высшихъ классовъ (коллегіи), увлеченные патриотическимъ движеніемъ, уходили подъ знамена Богдана, такъ что въ этихъ классахъ ученіе на-время совсѣмъ прекратилось»²⁾. Чѣмъ же объяснить такую напраслину со стороны нашего автора древней Кіево-Могилянской коллегіи? Ни чѣмъ другимъ, какъ только преизбыткомъ любви къ

¹⁾ Рук. къ Рус. Цер. Ист. Знаменскаго, стр. 223.

²⁾ Ист. Рос. Соловьева, т. X, стр. 243.

теоріи «шляхетських схлонностей» и непонятною антипанією къ южно-русской ієрархіи, проглядывающою во всемія его сочиненіи. Тутъ видишь только желаніе во что бы-то ни стало очернить свѣтлую личность Петра Могилы. Подъ вліяніемъ такого неодолимаго желанія, нашъ авторъ и не замѣчаетъ, что высказываетъ здѣсь такое же несочувствіе къ Петру Могилѣ и коллегіи, какое онъ указываетъ затѣмъ въ простомъ народѣ, современномъ описываемымъ событіямъ. «Но народъ продолжаетъ онъ, не влюбилъ Петра Могилу за его реформаторскія стремленія, которыхъ не понималъ, и за основаніе коллегіи, а самую коллегію за латинскій языкъ, въ которомъ онъ видѣлъ корень всѣхъ ересей». Неужели современный намъ магистръ нисходитъ на степень возрѣнія простаго народа XVII столѣтія и не знаетъ, что кiev. мѣщане были вооружены противъ коллегіи кознями Езуитовъ?

Сказавъ о враждѣ народной массы къ Петру Могилѣ и его коллегіи, авторъ продолжаетъ: «Так. обр. снова произошло, подобно бывшему предъ унією, раздѣленіе между пастырями (ієрархами) и паствою».... «Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ менѣе южнорусскіе ієрархи заботились объ интересахъ народа, болѣе заботились о сохраненіи своихъ преимуществъ, возставали противъ подчиненія Москвѣ, сближались съ Польшею и Турцією: но низшее духовенство и народъ (?), вопреки старанію своихъ ієрарховъ, все болѣе и болѣе къ Москвѣ тяготѣли» (стр. 35).—Но затѣмъ чрезъ двѣ четвертушки, послѣ только что приведенныхъ словъ говорится слѣдующее: Убѣгая отъ преслѣдованія (Московскаго) правительства, раскольники, между прочимъ, скрывались и въ Малороссіи и, судя по нимъ, малороссіяне были *очень худого* мнѣнія о Московской религіозности: «одни погруженцы, другіе обливанцы, говорили

простодушные козаки и урядники; у однихъ попы, у другихъ безпоповщина, на Московщинѣ столько вѣрѣ, сколько слободѣ, а въ слободахъ иногда сколько домовъ; насъ никто въ домъ не пуститъ съ трубками; у нихъ вся вѣра въ томъ, чтобы бороды не брить и табаку не курить и не нюхать» (стр. 38—39). Читатель, безспорно, согласится съ нами въ томъ, что врядъ ли въ этихъ словихъ нельзя не видѣть противорѣчія вышесказанному о симпатіяхъ малорус. народа къ Москвѣ.

Затѣмъ, нашъ авторъ, упомянувъ о кievскомъ митрополитѣ Діонисіѣ Балабанѣ и претендентѣ на кievскую митрополию Антоніѣ Винницкомъ (назначенномъ польскимъ правительствомъ по смерти Діонисія Балабана), говоритъ, что представители духовенства вскорѣ, однакожь, разочаровались въ Польшѣ; неблагоклонные къ Москвѣ духовные увидали, что еще менѣе основательно искать благосклонности у Польши (стр. 48). Но для недовольныхъ Москвой былъ еще исходъ: можно было искать покровительства у третьяго сосѣдняго государства—Турціи. Такъ поступилъ кievскій митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ—Тукальскій. «Но обращаясь къ туркамъ,—говоритъ онъ далѣе,—Тукальскій не могъ, вслѣдствіе этого, не потерять уваженіе къ себѣ въ народѣ» (49 стр.).—Не имѣя, однакожь, никакой возможности подтвердить эту мысль хотя однимъ фактомъ, авторъ прибѣгаетъ къ самой ошибочной аналогіи. «Искать покровительства у невѣрныхъ, говоритъ онъ, всегда казалось дѣломъ постыднымъ. Такъ, Богданъ Хмельницкій смотрѣлъ на дружбу съ невѣрными, какъ на грѣхъ смертельный; Лазарь Барановичъ—какъ на добровольное наложеніе на себя ярма. Стало быть, заключаетъ нашъ авторъ, Тукальскій, обращаясь къ туркамъ, долженъ былъ, вмѣстѣ

съ тѣмъ, потерять уваженіе къ себѣ въ народѣ». — А ргіогі, пожалуй, и такъ, но не сообразно съ историческою дѣйствительностію. Прежде, когда оружіе Богдана Хмельницкаго покрылось славой побѣдъ, когда каждое изъ сосѣднихъ государствъ старалось привлечь его на свою сторону, можно было пренебрегать союзомъ съ невѣрными; но теперь обстоятельства перемѣнились. Стонавшій подъ гнетомъ звѣрскаго деспотизма поляковъ, малороссійскій народъ воссоединенъ Богданомъ Хмельницкимъ съ Московскимъ государствомъ. Въ страждущей душѣ малоросса блеснула тогда искра надежды на лучшее. Но оправдались ли эти надежды? Малороссія дѣйствительно принята подъ покровительство москов. царя; началась изъ-за нея съ Польшею война; но она кончилась теперь самымъ безтактнѣйшимъ *Андрусовскимъ* миромъ, по которому Россія согласилась на раздѣлъ Малороссіи, уступивъ полякамъ всѣ свои литовскія завоеванія и всю заднѣпровскую Малороссію, и оставивъ за собою только Кіевъ и то на два года. Эта уступка, угрожавшая гибелью русской народности и православія на правой сторонѣ Днѣпра, сильно огорчила жителей Малороссіи, цѣлая половина которой снова отдавалась на жертву уни и католическаго фанатизма ¹⁾. Народъ малороссійскій ропталъ. Довѣріе къ Московской Руси было въ немъ подорвано. Среди козаковъ распространились слухи, что Россія намѣрена всѣхъ ихъ предать полякамъ, которые будто бы на сеймѣ постановили уже всѣ православныя церкви истребить и даже святыя мощи изъ Кіево-печерской лавры развезти по разнымъ мѣстамъ польскимъ. Въ этому присоединилось еще неудовольствіе на царя Алексѣя Михайловича въ козакахъ лѣвой стороны

¹⁾ Рук. въ Рус. Церк. Ист. Знаменскаго, стр. 285.

Днѣпра за то, что онъ во всё уступленные отъ Польши города прислалъ своихъ воеводъ, съ повелѣніемъ сдѣлать перепись всѣмъ козакамъ и обложить ихъ податью, чего у нихъ никогда не бывало; а на правой сторонѣ Украины, стоявшій на зимнихъ квартирахъ съ войскомъ, польскій Региментарь, Маховскій дѣлалъ козакамъ разныя обиды и убійства¹⁾. И вотъ когда, среди такого горькаго разочарованія, снова, еще громче, раздались вопли стонавшаго народа, выступили на сцену Дорошенко и Тугальскій, оба беззавѣтно преданные интересамъ народа, оба плакавшіе его слезами. Они не были политики, они не смотрѣли далеко въ будущее, они желали только, съ опасностію даже собственной жизни, облегчить плачевное настоящее, ослабить народные вопли, сохранивъ цѣлость южнорусскаго народа. Единственный исходъ для нихъ былъ — попробовать счастья въ союзъ съ третьимъ сосѣднимъ государствомъ — Турціей. Утопающій хватается, говорятъ, и за соломинку, но кто же, за исключеніемъ нашего автора, вздумаетъ обвинять въ несочувствіи Москвѣ лицъ, отвергнутыхъ ею? Дорошенко и Тугальскій поддались Турціи; но, въ данный моментъ, это вполнѣ соответствовало желаніямъ всего малороссійскаго народа, не видѣвшаго для себя другого исхода. Одно уже желаніе Дорошенка и Тугальскаго помочь народу становило ихъ высоко въ глазахъ послѣдняго. Они сдѣлались народными любимцами. «Мѣщане и козаки, — общалъ Тяпкинъ Нащокину, — особенно черныи народъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, очень любятъ и почитаютъ Тугальскаго и Дорошенка. «Да будетъ извѣстно, писалъ онъ, что печерскій архимандритъ съ Тугальскимъ великую любовь

¹⁾ Опис. К.-Софійскаго Соб., Евгенія, стр. 193.

между собою и въ народъ силу имѣють»¹⁾. Конечно, такой народной любви къ Дорошенкѣ и Тукальскому не могло быть, если бы они шли въ разрѣзъ съ стремленіями народа, если бы преслѣдовали свои личныя цѣли. Можно ли, послѣ этого, повѣрить еще голословному утвержденію нашего автора, что Тукальскій, обращаясь къ Турціи, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по корыстнымъ побужденіямъ, также, какъ его предшественники по митрополіи, обращаясь къ Польшѣ? (стр. 54)! «Страдалецъ вѣры и отчизны,—говоритъ безпристрастная исторія,—пастырь умный и искренній, Іосифъ, хотя и дѣйствовалъ въ пользу храбраго Дорошенка, отложившагося отъ Москвы, но всего болѣе по отвращенію къ Польшѣ, съ корою мирилась тогда Москва, какъ казалось къ невыгодѣ Украины. Онъ умолялъ царя не отдавать Кіева ляхамъ—врагамъ православія»²⁾.—Так. образ. Тукальскій, обращаясь къ Турціи, не потерялъ уваженія въ народѣ (стр. 49), но еще болѣе снискалъ любовь его, потому что дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не по личнымъ корыстнымъ побужденіямъ (стр. 54), а, единственно, имѣя въ виду благо народа. Вотъ почему, онъ какъ былъ при жизни, такъ и умеръ любимымъ пастыремъ³⁾.

«Мы прослѣдили, на сколько возможно,—продолжаетъ авторъ,—какъ представители малороссійскаго духовенства, по корыстнымъ побужденіямъ, возставая противъ Москвы и склоняясь въ пользу подчиненія Польшѣ, Турціи или татарамъ, должны были постоянно разочаровываться и, наконецъ, приведены были политическими обстоятельствами къ

¹⁾ Ист. Рос. Соловьева, т. XII, стр. 17.

²⁾ Ист. Рус. Церк., Филарета, пер. IV, стр. 51.

³⁾ Тамъ же, стр. 52.

убѣжденіямъ, что соединеніе съ Москвою—необходимо. Но существуетъ другое мнѣніе, по которому малороссійское духовенство возставало прѣтивъ соединенія съ Москвою не во имя личныхъ корыстныхъ расчетовъ, а по другимъ причинамъ. Костомаровъ, въ своей монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ, недовольство митрополита Сильвестра Коссова подчиненіемъ Москвѣ объясняетъ общимъ, существовавшимъ тогда въ Малороссіи прѣтивъ Москвы предубѣжденіемъ. Даже о тождествѣ своей вѣры съ московскою вѣрою, говоритъ онъ, возникало у нихъ недоразумѣніе и сомнѣніе; имъ даже приходила мысль, что велить перекрещиваться. «Царь—писалъ въ то время черниговскій протопопъ—обещуетъ се всѣхъ при правахъ и маестностяхъ удержати, хто се добровольно придастъ и охреститъсе». Преосвященный Филаретъ съ своей стороны объясняетъ поведеніе Коссова между прочимъ тѣмъ, что онъ хранилъ въ душѣ признательной постоянную, хотя и слабую, защиту константинопольскаго патріарха югу (стр. 55) — Оба эти мнѣнія авторъ пытается опровергнуть, но, задавшись такою цѣлію, становится въ нѣсколько странное положеніе. Первое мнѣніе онъ опровергаетъ такимъ образомъ: «Ложность перваго (какъ будто выше указано нѣсколько предубѣжденій?), распространяемаго въ Малороссіи, предубѣжденія обнаружилась очень скоро. Послѣ нашествія поляковъ, т. е. въ 20 годахъ ХVII столѣтія, дѣйствительно патріархъ Филаретъ на соборѣ положилъ перекрещивать обращающихся изъ латинства въ православіе и, вѣроятно, это постановленіе послужило основаніемъ къ распространенному въ Малороссіи слуху. Но, конечно, скоро православные малороссы могли увидѣть, что къ нимъ постановленіе п. Филарета не имѣло никакого отношенія. На соборѣ, по поводу низверженія Ни-

бона, по словамъ Барановича, даже мысль о необходимости переименовать латинянъ, принимавшихъ православіе, была не одобрена восточными патріархами». — И только. Отвѣтилъ ли авторъ на вопросъ? Если ужъ онъ вздумалъ вступать въ полемику съ г. Костомаровымъ, то ему нужно было доказать, что, во время Сильвестра Коссова, не было въ Малороссіи предубѣжденія противъ Москвы. Вмѣсто того, онъ вступаетъ въ полемику съ черниговскимъ протопопомъ, свидѣтельство котораго приводитъ г. Костомаровъ, и начинаетъ доказывать, что Москва не дѣлала постановленій о переименованіи малороссовъ и, вслѣдствіе неодобренія восточныхъ патріарховъ, отказалась отъ переименованія латинянъ. Москва даже вовсе не нуждалась въ защитѣ, такъ какъ свидѣтельство черниговскаго протопопа приведено г. Костомаровымъ вовсе не противъ Москвы, а съ цѣлю — показать степень развитія предубѣжденія противъ Москвы въ Малороссіи, показать, что въ нихъ явилось даже сомнѣніе, на счетъ сходства московской вѣры съ своей вѣрой. Ясно, такъ образ., что авторъ, въ порывѣ полемическаго экстаза, и забылъ, что нужно было ему сказать, и ни съ сего, ни съ того, началъ защищать Москву. Впрочемъ, врядъ ли онъ могъ что нибудь сказать, хотя бы и захотѣлъ въ пользу того, что во время Коссова въ Малороссіи не было предубѣжденія противъ Москвы: оно не только было, но даже усилилось теперь, доказательствомъ чему служить, кромѣ свидѣтельства, приведеннаго самимъ же нашимъ авторомъ на 38 стр. своего сочиненія, — свидѣтельство, на которое мы уже имѣли случай указывать, именно: въ это время раскольники уходили изъ Московскаго государства, между прочимъ, въ Малороссію и, судя по нимъ, малороссійскій народъ былъ очень худого мнѣнія о московской религіозно-

сти: «одни погруженцы, а другіе обливанцы, говоритъ онъ, у однихъ попы, у другихъ безпоповщина», и т. д. Авторъ, какъ видно, выпустилъ изъ виду то, что говорилъ на предыдущихъ страницахъ.

Съ мнѣніемъ преосвященнаго Филарета нашъ авторъ сначала какъ будто соглашается и приводитъ много доказательствъ не противъ, а въ пользу того, что южно-русское духовенство дорожило зависимостію отъ константинопольскаго патріарха, не замѣчая при этомъ, что, приводя эти доказательства, онъ входитъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ самомъ дѣлѣ, множество свидѣтельствъ, приведенныхъ имъ почти на двухъ четвертушкахъ (стр. 56—59), не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что любовь къ константинопольскому патріарху была сильна въ южно-русскомъ духовенствѣ. Но, приводя упомянутыя свидѣтельства, авторъ спохватился и, увидѣвши себя въ безвыходномъ положеніи, вслѣдствіе ложной предвзятой идеи, опять начинаетъ увѣрять, что уваженіе къ константинопольскому патріарху ослабѣло въ южно-русскомъ обществѣ, благодаря сочиненіямъ Мелетія Смотрицкаго, изданнымъ имъ по пріѣздѣ съ востока, которыя, однако жъ, были сожжены тѣмъ же обществомъ, какъ еретическія. Курьезность такого умозаключенія авторъ, впрочемъ, тотчасъ почувствовалъ, — и говоритъ: «Хотя сочиненія Смотрицкаго и были сожжены, какъ сочиненія отступника отъ православія, но скоро въ Малороссіи должны были признать, что въ словахъ его о патріархахъ есть доля правды, что образованность на востокѣ, дѣйствительно, до того ослабѣла, что патріархи не могутъ защищать своего правовѣрія» (60 стр.). — Неизвѣстно, посредствомъ какого процесса мысли авторъ пришелъ къ такому выводу, но ужъ никакъ не посред-

ствомъ всего вышесказаннаго. Все, что предъ этимъ онъ сказалъ почти на двухъ четвертушкахъ, доказываетъ совершенно противное, т. е. что южно-русское духовенство дорожило своею зависимою отъ константинопольскаго патріарха.

Здѣсь мы наглядно можемъ видѣть, до какого вообще неловкаго положенія доходить историкъ, который, оторвавшись отъ исторической почвы, отъ объективизма, начинаетъ извращать историческую дѣйствительность, сообразно своей предвзятой идѣ.

Что самъ авторъ чувствовалъ свое неловкое положеніе, написавъ двѣ четвертушки и рѣшительно не доказавъ того, что хотѣлъ доказать, — это подтверждаетъ слѣдующая же за приведеннымъ мѣстомъ мысль. «Между прочимъ, — говоритъ, — *съ црлію помочь востоку въ сохраненіи православія (!?)* былъ составленъ на югѣ Россіи катихизисъ, извѣстный подъ именемъ катихизиса Петра Могила». — Этотъ фактъ приведенъ наконецъ авторомъ, какъ доказательство того, что южноруссы, дѣйствительно, потеряли уваженіе къ константинопольскому патріархату. Но вѣренъ ли самый фактъ? Дѣйствительно ли востокъ не могъ или не умѣлъ хранить православіе и нуждался въ посторонней помощи? Дѣйствительно ли Петръ Могила, издавая катихизисъ, имѣлъ въ виду «помочь востоку въ сохраненіи православія»? — «Въ 1629 г. въ Женевѣ появилось *восточное православное исповѣданіе Кирилла Лукариса*, — говоритъ намъ исторія, — съ кальвинскими мыслями о вѣрѣ. И протестанты и эзуиты провозглашали объ этомъ сочиненіи, какъ о сочиненіи восточнаго патріарха, для своихъ видовъ. Эзуиты и питомцы ихъ уніаты кололи этого книгою глаза Русскимъ и приводили ихъ въ смущеніе. Пастыри южной церкви,

чтобы положить границы толкамъ, въ 1630 г., спрашивали іерус. патріарха Теофана: точно ли неправославное исповѣданіе вѣры принадлежитъ константинопольскому патріарху? Теофанъ изъ Яссъ отвѣчалъ, что п. Кириллъ, какъ и восточная Церковь, не причастенъ сему исповѣданію. Тѣмъ не менѣе отступникъ *Кассіанъ Саковичъ* писалъ: «русскій народъ въ союзѣ съ еретиками, лютеранами и кальвинистами, иные братаются съ ними и пристають къ ихъ сектамъ охотнѣе, чѣмъ къ римскому костелу»¹⁾. «Ректоръ Коллегіи Исаія Трофимовичъ для устраненія этихъ нареканій написалъ «Православное исповѣданіе вѣры». Соборъ 1640 г., созванный Могилою въ Кіевѣ, разсмотрѣлъ это сочиненіе и отправилъ его на востокъ; въ 1642 г. его снова пересмотрѣлъ соборъ епископовъ въ Яссахъ и, нѣсколько исправивъ, отослалъ *на утверждение* къ патріарху. Въ 1643 г. его одобрили и патріархи, но почему-то замедлили его отсылкой въ Кіевъ; а между тѣмъ явились новыя нареканія на православныхъ, будто они три года разсматриваютъ свое исповѣданіе и ничего съ нимъ подѣлать не могутъ. Вслѣдствіе этого П. Могила въ 1645 г. издалъ Православное Исповѣданіе на польскомъ²⁾ и русскомъ языкахъ въ сокращенномъ видѣ (*Малый Катихизисъ*)»³⁾. — Отсюда

¹⁾ Ист. Рус. Церк. Филарета, пер. IV, стр. 100.

²⁾ На польскомъ языкѣ Катихизисъ былъ напечатанъ для того, какъ сказано въ предисловіи къ русскому изданію, чтобы «заградить уста безстыднымъ клеветникамъ, которые на томъ же языкѣ дерзаютъ обвинять предъ свѣтомъ Церковь православно-кафолическую въ разныхъ ересяхъ». (Ист. Р. Цер. Филарета, пер. IV, стр. 102).

³⁾ Рус. къ Руск. Цер. Ист. Знаменскаго, стр. 224.

ясно во 1-хъ то, что изъ обстоятельствъ описаннаго факта нѣтъ никакихъ основаній заключать объ ослабленіи вѣры въ константинопольской Церкви, во 2-хъ то, что Катихизисъ Петра Могилы былъ написанъ противъ обвиненій православныхъ въ кальвинизмъ, а не «съ цѣлію помочь востоку въ сохраненіи православія»; и въ 3-хъ, что «Исповѣданіе вѣры» было отослано на востокъ не для руководства, а на утвержденіе патріарха. Быть можетъ, нашего автора соблазнило то обстоятельство, что на нареканія въ кальвинизмъ, прямо относившіяся къ Константинополю, отвѣтъ поспѣшилъ дать Кіевъ? Но, въ такомъ случаѣ, достаточно припомнить тогдашнее географическое расположеніе народовъ по религіознымъ вѣрованіямъ. Достаточно припомнить, что въ то время, какъ Константинополь былъ удаленъ отъ латинскаго запада, Кіевъ находился въ ближайшемъ, можно сказать, непосредственномъ соприкосновеніи съ нимъ. А, вслѣдствіе этого, и могло происходить такъ, какъ въ данномъ случаѣ, т. е., что въ то время, какъ въ Кіевѣ нареканія на православіе становились невыносимыми, въ Константинополѣ могли о нихъ и не слышать. Не думаемъ, чтобы нашему автору не было извѣстно все это; но онъ съ цѣлію игнорируетъ его и, руководясь своей идеей, даетъ указанному факту не тотъ смыслъ, какой онъ имѣетъ.

Так. обр., отступивъ разъ отъ истины, авторъ началъ создавать свою исторію; но вскорѣ, какъ мы видѣли, предвзятая идея завела его въ непроходимыя трущобы анахронизмовъ. Чувствуя себя неловкимъ предъ читателемъ, онъ, чтобы наконецъ хоть сколько нибудь ослабить въ душѣ читателя сомнѣніе въ истинности своихъ словъ, дѣлаетъ salto mortale на почву Московскаго государства и, ища здѣсь для себя опоры, начинаетъ говорить, что «подобное (печальное) поло-

женіе востока было извѣстно хорошо и въ сѣверной Руси. Не много позднѣе Смотрицкаго путешествовалъ на востокъ Арсеній Сухановъ и въ своемъ Проскинитаріѣ описалъ положеніе вѣры на востокѣ, пожалуй, еще болѣе мрачными красками, чѣмъ Смотрицкій» (стр. 60). Ясно, что авторъ хочетъ провести параллель между Арсеніемъ Сухановымъ и Смотрицкимъ, между «Проскинитаріемъ» перваго и «Апологіей» послѣдняго. Что Арсеній Сухановъ, по пріѣздѣ съ востока, описалъ его мрачными красками и что ему повѣрили,—это другое дѣло; но что сочиненія Смотрицкаго сожгли и ему не повѣрили,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ чемъ же здѣсь сходство? Развѣ въ томъ, что какъ тотъ такъ и другой ѣздили на востокъ и описали его мрачными красками? Но, вѣдь, не на эту сторону дѣла авторъ хочетъ обратить вниманіе читателя, а на то, какое вліяніе имѣли сочиненія этихъ лицъ на современниковъ.

Но мысль, что южно-руссѣ потеряли уваженіе къ константинопольскому патріарху такъ глубоко запала въ голову нашего автора, что онъ ни какъ не можетъ разстаться съ нею. Далѣе онъ говоритъ: «во время уніи малоруссы горячо защищали восточныхъ патріарховъ отъ нареканія поляковъ: будто патріархи—рабы турецкаго правительства и являются въ Малороссію, какъ шпіоны султана. Теперь малоруссы многими фактами убѣдились, что патріархи, дѣйствительно, во всемъ должны слушаться султана и поступать такъ, какъ онъ прикажетъ, т. е. дѣйствовать сообразно съ политическими видами Турціи» (стр. 63). Въ подтвержденіе своей мысли авторъ ссылается на то, что, по приказанію султана, патріархи не разъ произносили проклятія на различныхъ гетмановъ Малороссіи, какъ напр. на гетмана Многогрѣшнаго, и *всегда* въ отношеніи къ Мало-

россіи руководствовались этими приказаніями. Черезъ нѣскольکو же страницъ (стр. 68), руководясь мыслию, что констант. патріархи были очень расположены къ Москвѣ, авторъ опровергаетъ себя и приводитъ такіе факты, которые не только не разочаровывали южно-руссомъ въ констант. патріархѣ, но еще болѣе должны были возбуждать въ нихъ уваженіе къ нему. „По своей расположенности къ Москвѣ,—говоритъ онъ,—патріархи иногда по просьбѣ Москвы отмѣняли свои собственныя постановленія и шли противъ воли султана. Такъ на примѣръ, патріархи наложили анаѣму на гетмана Брюховецкаго за оскорбленіе грека Мигалевскаго. Эта анаѣма снята была по просьбѣ московск. правительства (Ист. Рос. Соловьева т. XIII, 271). Точно также патріархъ по просьбѣ москов. правительства разрѣшилъ отъ анаѣмы гетмана Многогрѣшнаго, *хотя эта анаѣма была наложена на него по приказанію султана* (Тамъ же т. XIII, 293).—Чему же прикажете вѣрить,—тому ли, что прежде сказано, или что теперь? тому ли, что константинопольскій патріархъ былъ рабомъ султана и поступалъ только такъ, какъ послѣдній прикажетъ, или что онъ не былъ рабомъ султана и поступалъ иногда вопреки его воли?..... Если вѣрно послѣднее, то прежнее увѣреніе со стороны автора въ томъ, будто «теперь (послѣ уніи) малоруссы многими фактами убѣдились, что патріархи, дѣйствительно, во всемъ должны слушаться султана и поступать такъ, какъ онъ прикажетъ, т. е. дѣйствовать сообразно съ политическими видами Турціи»,—уже не имѣетъ смысла.

Что южно-руссомъ не разочаровывались въ Констант. патріархѣ, а оставались вѣрны ему до самаго присоединенія Кіевской Митрополіи къ Московскому патріархату, — это
 Къ № 9-му.

доказываетъ послѣдующая исторія юго-западной Руси, исторія, очень хорошо извѣстная самому автору. Извѣстно, что даже окончательное рѣшеніе вопроса о подчиненіи Кіевской Митрополіи Московскому патріархату отдано было южно-руссами на усмотрѣніе Констант. патріарха, и что, вслѣдствіе этого, Москва должна была даже заискивать у Констант. патріарха, просить его объ уступкѣ Кіевской митрополіи. Въ подтвержденіе этого ссылаемся на тѣ факты, которые указаны въ самомъ же разсматриваемомъ нами сочиненіи ¹⁾.

Затѣмъ нашъ авторъ рассказываетъ, какъ Москва, посредствомъ интригъ, подкуповъ и подарковъ, старалась привлечь на свою сторону отдѣльныхъ лицъ изъ южно-русского духовенства, чтобы такъ обр. чрезъ нихъ вліять на остальное духовенство. Такими посредствующими лицами оказались - Меодій, Барановичъ, Адамовичъ. Но, замѣчаетъ нашъ авторъ, — искренней любви и готовности подчиниться Москов. патріарху въ духовномъ отношеніи, какъ вообще въ малороссійскомъ духовенствѣ того времени, такъ въ частности въ тѣхъ лицахъ, которыя дѣйствовали въ политическихъ дѣлахъ въ пользу Москвы, вовсе не было (стр. 77). Этотъ характеристичный фактъ авторъ объясняетъ честолюбіемъ самыхъ посредниковъ, жаждою ихъ къ почестямъ и подаркамъ. Но едва ли такое объясненіе удовлетворительно? Прослѣдимъ, напр., дѣятельность Меодія. Нѣжинскій протопопъ, Максимъ Филимоновъ, заявляетъ о своемъ желаніи дѣйствовать въ пользу Московскаго правительства. Московско правительство съ радостію принимаетъ содѣйствіе Филимонова и дѣлаетъ его главнымъ агентомъ въ Малороссіи. Филимоновъ

¹⁾ См. стр. 95, 104—105, 115—116, 118, 127—129
131 и далѣе.

своею дѣятельностію вполне оправдываетъ надежды Московскаго правительства, помогаетъ ему, чѣмъ можетъ. Чтобы усилить значеніе Филимонова въ Малороссіи, Московское правительство вызываетъ его въ Москву. Тамъ встрѣчаютъ Филимонова съ распростертыми объятіями: митрополитъ Питиримъ посвящаетъ его, съ именемъ Меѳодія, въ санъ епископа Мстиславскаго и Оршанскаго и, вмѣсто бездѣтельнаго, хотя и всѣми уважаемаго Лазаря Барановича, назначаетъ блюстителемъ Кіевской митрополіи (стр. 71-72). Честолюбіе его так. обр. было удовлетворено болѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Но что же мы видимъ далѣе? Меѳодій возвращается въ Малороссію и вскорѣ заявляетъ, что онъ считаетъ для себя несчастіемъ быть подъ вѣдѣніемъ московскаго патріарха» (стр. 78). Когда же распространился слухъ, что гетманъ Брюховецкій хлопочетъ о томъ, чтобы Митрополитъ былъ присланъ изъ Москвы, то Меѳодій соединился съ духовенствомъ, чтобы не допустить исполниться этому. «Намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы,» говоритъ онъ Кіевскому воеводѣ Шереметеву (стр. 79).—Спрашивается—откуда такая перемѣна въ Меѳодіѣ? откуда такое неожиданное ожесточеніе противъ Москвы обласкавшей, облагодѣтельствовавшей его и, вообще, не сдѣлавшей ему ничего кромѣ добра? Едва ли здѣсь приложимо честолюбіе?—Еслибы нашъ авторъ задумался надъ этимъ вопросомъ, то, по всей вѣроятности, скоро бы нашелъ тотъ *x*, для отысканія котораго многими своими страницами онъ только утомлялъ читателя.

Наконецъ, сказавъ, что подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху готовилось тѣмъ, что въ это время развивалась вражда между представителями козачества и представителями духовенства, авторъ этимъ и заканчиваетъ первую часть своего сочиненія.

Вторая часть сочинения, по собственнымъ его словамъ, и какъ мы уже сказали въ началѣ, есть чисто компилятивная, есть «простой историческій разсказъ». Здѣсь нашъ авторъ оказывается вполне состоятельнымъ. Отказавшись отъ претензій на субъективный анализъ историческихъ фактовъ и, вообще, отъ всякихъ идей, онъ тщательно и добросовѣстно слѣдитъ за ходомъ историческихъ событий, такъ что въ концѣ концовъ даетъ цѣльное представление о фактѣ подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху. Вторая часть сочиненія на столько представляетъ относительнаго достоинства, что мы не можемъ не желать, чтобы нашъ авторъ и впредь направлялъ свои труды на подобнаго рода историческія описанія, а философію малоросійской исторіи предоставилъ ужь въ удѣлъ другимъ. Авторъ, во второй части своего сочиненія, по преимуществу руководствуется изданною имъ рукописью «Икона»; ознакомившись съ самою рукописью, мы приносимъ ему глубокую благодарность за изданіе этаго важнаго для исторической науки документа.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИЕМЪ ВОСПИТАНИКОВЪ ВЪ КІЕВСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМІЮ.

Отъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи объявляется:

1). Съ 16-го Августа сего 1873 года въ Кіевской Духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣеть быть приемъ студентовъ изъ лицъ всѣхъ состояній Православнаго исповѣданія (Уст. Дух. Акад. § 6 и 123).

2). Прошенія о приемѣ въ студенты Академіи, съ обозначеніемъ избираемаго отдѣленія оной, подаются на имя Ректора Академіи съ 1-го по 15-е Августа. Лица, приславшія прошенія по почтѣ, должны прибыть къ началу испытанія-къ 16-му Августа.

3). Къ прошенію о приемѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) установленный аттестатъ о вполнѣ удовлетворительномъ знаніи курса наукъ Семинаріи или классической Гимназіи (Уст. § 125), б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, в) документъ о состояніи, къ которому принадлежит проситель по своему званію. Лица податнаго сословія обязаны, сверхъ того, представить Свидѣтельство объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи.

4). Всѣ, желающіе поступить въ Академію, должны имѣть въ Семинарскомъ или Гимназическомъ аттестатѣ отмѣтку о поведеніи не ниже 4 (очень хорошаго); а поступающіе въ Академію, по прошествіи года по выходѣ изъ учебнаго заведенія, должны представить и свидѣтельство объ очень хорошемъ поведеніи отъ того Начальства, въ вѣденіи котораго состояли въ это время.

5). Желающие поступить въ Академію подвергаются повѣрочному испытанію изъ Догматическаго богословія (окончившіе курсъ Гимназіи испытываются въ предѣлахъ пространнаго Православнаго Катихизиса), Церковной исторіи и одного изъ древнихъ языковъ Греческаго или Латинскаго; кромѣ того въ присутствіи членовъ испытательнаго комитета должны написать два сочиненія на данныя темы, изъ которыхъ одна богословскаго содержанія, а другая философскаго или литературнаго.

6). Изъ числа лицъ, подвергшихся повѣрочному испытанію по собственнымъ прошеніямъ, также какъ и по назначенію Начальства, принимаются въ Академію только выдержавшіе удовлетворительно устное и письменное повѣрочное испытаніе; при чемъ обязавшіеся по повѣрочному испытанію лучшими зачисляются казеннокоштными студентами, а остальные своекоштными (Уст. Дух. Акад. §§ 127 и 128). Поступающіе на казенное содержаніе подвергаются медицинскому освидѣтельствуванію.

7). Казеннокоштныхъ вакансій для новаго курса имѣется 30.

8). Съ своекоштныхъ студентовъ не взимается платы за слушаніе лекцій въ Академіи (Уст. § 8).

9). Казеннокоштные студенты по окончаніи Академическаго курса обязаны прослужить за каждый годъ содержанія въ Академіи полтора года по Духовно-учебному вѣдомству, а въ случаѣ выхода изъ Духовно-учебнаго вѣдомства до окончанія курса или послѣ онаго, до истеченія обязательнаго срока службы должны возратить сумму, употребленную на ихъ содержаніе въ Академіи, по расчету проведеннаго въ Академіи, или недослуженнаго времени. (Уст. Дух. Акад. §§ 166-168).

Вышла из печати, вторымъ изданіемъ, книга «Письма о Православіи», автора «Путешествія по св. мѣстамъ Русскимъ». Цѣна 1 р. с., пересылка 1 ф.

Гг. иногородныхъ съ требованіями просить обращаться въ Кіевъ къ М. О. Семенову, д. Г. Муравьева.

• Тутъ же можно выписывать двѣ брошюры: «Почаевская Лавра и Острожское Братство» и «Знакомство съ Русскими поэтами». Цѣна первой 40 к., второй 25 к.

Поступило въ продажу недавно напечатанное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Ученіе о церкви въ первые три вѣка Христіанства»—(историческій очеркъ) архимандрита Сильвестра, профессора кіевской духовной Академіи. (1872 г.) Для полученія означеннаго сочиненія нужно адресоваться: *въ Кіевъ, въ редакцію Трудовъ кіевской духовной Академіи.* Цѣна за экземпляръ, безъ пересылки 1 р. 20 к., съ пересылкою 1. 50 к.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга вновь вышедшая книга:

«РАСКОЛЬНИКИ и ОСТРОЖНИКИ»
томъ IV. *Ө. В. Ливанова.*

Содержаніе IV тома. Отъ автора. *Къ портрету Сапѣлкина.* Едоновѣрецъ В. А. Сапѣлкинъ и раскольники невѣжественной Бѣло-поповской секты, московскіе купцы Кузьма Терентьевъ Солдатенковъ и Тимоѣей Савичъ Морозовъ. *Вмѣсто предисловія:* Чего требуетъ правительство и общество отъ православнаго духовенства въ отношеніи къ расколу и почему духовенство это безсильно въ борьбѣ съ послѣднимъ? I. Императоръ Петръ I какъ антихристъ у раскольниковъ. II. Камергеръ скопецъ А. М. Елянскій, и его проектъ о божественной канцеляріи въ Россіи. III. Раскольничьи коноводы Папулинъ и Савиновъ, или вѣрное средство помощію раскола наживать милліоны. IV. Лицемѣріе скопцовъ для обмана правительства и общества. V. Секта странниковъ, или бѣгуновъ. VI. Обрядъ принятія въ скопческую секту. VII. Тамбовскіе молокане и духоборцы. VIII. Гдѣ скопцы производятъ операціи оскотленія. IX. Екатери-

нославскіе молокане и духоборцы. X. Скопческія и хлыстовскія пѣсни (70 пѣсень). XI. Бабунинъ, Огаревъ и князь П. Долгоркій, заграничныя агитаторы раскольниковъ. XII. Таврическіе молокане и духоборцы во второй половинѣ царствованія Александра I. XIII. Закланіе хлыстами младенцевъ въ жертву и причащеніе человѣческой кровію. XIV. Харьковскіе молокане и духоборцы. XV. Кавказскіе молокане и духоборцы. XVI. Сокращеніе ея сїятельства княжны Д. С. Хованской въ хлыстовскую секту. XVII. Саратовскіе молокане и духоборцы. XVIII. Хлыстовская богородица съ титуломъ великой княгини Елены Павловны. XIX. Самарскіе молокане и духоборцы. XX. Астраханскіе молокане и духоборцы. XXI. Какъ скопцы Солодовниковы вертѣлись на пяткѣ въ радѣніяхъ и почему построили свою богадѣльню въ Москвѣ? XXII. Оренбургскіе и уфимскіе молокане и духоборцы. XXIII. Бассарабскіе и донскіе молокане и духоборцы. XXIV. Симбирскіе и рязанскіе молокане и духоборцы. XXV. Новый раскольникій архіерей изъ ивантѣевскихъ кучеровъ Александръ Герасковъ. XXVI. Владимірскіе, пензенскіе и орловскіе молокане и духоборцы. XXVII. Разговоръ скопческаго бога Кондратія Селиванова съ Императоромъ Павломъ Петровичемъ. XXVIII. Тобольскіе и иркутскіе молокане и духоборцы. ПРИЛОЖЕНІЕ. А). Высылка изъ Москвы защитника скопцовъ, князя А. И. Урусова и появленіе на его мѣсто новыхъ друзей—скопческыхъ денегъ. Б). Религіозный скандалъ на могилѣ скопца М. Г. Солодовникова. В) Н. В. Реутскій и его значеніе въ исторіи уничтоженія скопческой секты. *Историческій словарь* 86 раскольникіихъ отцовъ и учителей. *Каталогъ Павла Любопытнаго*, съ перечнемъ до 700 раскольникіихъ сочиненій. Цѣна IV тома, въ 42 листа печатныхъ, 700 страницъ, 2 р. 85 к., съ пересылкою 3 р 20 к. Всѣхъ сектантовъ, живущихъ въ Россіи и за границей, а равно православное духовенство, доставлявшихъ мнѣ статьи, прошу по прежнему доставлять мнѣ матеріалы.

Содержаніе: а) Поученіе о св. иконахъ, по случаю появленія ереси штундистовъ. б) (Критическій очеркъ) „Исслѣдованіе о подчиненіи Кіевской Митрополи московскому патріархату“. в) Объявленія.

Печ. повол. Кіевъ 30 апрѣля 1873 г. Ценз., прот. М. Богдановъ.

Въ Типографіи. аренд. С. Кульженко и В. Давиденко